

ства: испытать до дна (о чувствах), глубина чувств, любовь - полная, неисчерпаемая. При этом закрепляется текучесть чувств, их изменчивость.

П. Флоренский писал, что в индоевропейских языках слова, выражающие понятие сердце, указывают на центральность, серединность. В других культурах и языках локализация эмоций иная: в китайской картине мира эмоции локализируются в почках, в африканской (язык догонов) - в печени и носу; во французской - в селезенке. В русской картине мира сердце - средоточие эмоции: оно поет и сжигается, загорается и замирает, пламенеет и каменеет...

В символе сердца выражается сокровенный центр личности. С одной стороны, сердце - точка соприкосновения с Богом, а с другой - источник темного: *сердитый, под сердитую руку, в сердцах* и др. Сердце - место зарождения чувств (*в сердце вспыхнула надежда*); центр интуиции (*сердце чует, сердце подсказет*), центр моральных качеств (*положа руку на сердце, каменное сердце, золотое сердце*), место, где чувства скрыты от посторонних глаз (*никто не знал, что творилось в его сердце, читать в сердце*) и т.д. С помощью фразеологизмов со словом "сердце" можно описать оттенки чувств человека (*кошки на сердце скребут, камень с сердца свалился, сердце не на месте*), отношение человека к миру (*от чистого сердца, запах в сердце*), дать характеристику другому (*сердце обросло мхом, доброе сердце, неукротимое сердце, глутое сердце*) и т.п.

Наш язык показывает, что сердце - центр не только сознания, но и бессознательного, не только души, но и тела, оно не только орган чувств желаний, но и орган предчувствий, следовательно, сердце - абсолютный центр всего человеческого.

Каждый тип культуры вырабатывает свой символический язык и описывает на этом языке свой образ мира. Если египетская душа видит себя идущей по предначертанному пути, то ее парасимвол - дорога; парасимвол арабской культуры - мир-пещера, идея такого мировосприятия выразилась в изобретении арки и купола (первое купольное сооружение - Пантеон в Риме - построено архитектором-сирийцем); парасимвол русской культуры - бесконечная равнина. Вероятно, поэтому даже время (век человеческий) у русских связано с пространством: *жизнь прожить - не поле перейти*.

Спасательный круг

Сегодня наблюдается резкий скачок технической цивилизации и слишком медленное развитие гуманитарных наук. Цивилизация уже создала мощные силы уничтожения человека, а гуманитарные науки пока не способны его спасти и до конца понять. И в последнее время крепнет убежденность в том, что путь к пониманию человека лежит через языки.

П. А. Флоренский, Л. Витгенштейн, Н. Бор и другие философы отводили центральное место в своих концепциях языку. М. Хайдеггер считал именно язык первосущностью, "домом бытия" человека.

Язык - единственное средство, способное помочь нам проникнуть в скрытую от нас сферу. Он рассказывает нам о нас такие вещи, о которых мы сами и не догадываемся. Может быть, потому, что мир и мы порождены Словом, оно нам так интересно. И если вначале было Слово, то именно оно - важнейший источник знаний, именно в нем заложена вся информация о мире и о человеке.

Елена Сергеева

ИСТОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА

Гектор ходил впереди со щитом, во все стороны равным, Как приносящая гибель звезда - то, меж туч появляясь, Ярко сияет, то в тучах тенистых опять исчезает...

Один мой знакомый, рассказывая о своей дочери, почти всегда говорит что-то типа: "Она пришла ко мне, а я болею, и пошел она в аптеку". Н-да. А лекарства нынче дорогие. Но я решила про себя не хихикать, а сказать человеку, что уж если "она", то никак не "пришел". Расстроился, говорит: полжизни порусски разговариваю, а все никак не разберусь с этим она - не она.

Почему же одни слова в языке мужского рода, а другие - женского и среднего? И почему в русском языке три рода, хотя, например, во французском два, в английском категория рода живет лишь в языковой памяти народа, а в армянском и финском она и там не живет? И почему слова так странно распределены по родам? Почему *стол* - мужского рода, а произошедшая от него *постель* - женского? Почему в разных языках одни и те же слова относятся к разным родам: во французском *часовой* - женского рода (*la sentinelle*), а в немецком *ложка* - мужского (*der Löffel*), зато *жена* (*das Weib*) и *девочка* (*das Mädchen*) - среднего.

Понятно, что слова *жена, мать, сестра* или *муж, отец, брат* распределяются по родам в зависимости от пола (хотя с немецким языком вопрос остается). Но почему *весна* - женского рода, а *лето* - среднего? Почему *дверь* женского, а *окно* - среднего? Слова *белка, обезьяна, акула* называют и самцов, и самок, в отличие от, скажем, *паркорова - бык, козел - коза, кот - кошка, медведь - медведица*. И наоборот, словом мужского рода мы называем женщин: *врач, директор, секретарь*. Одна и та же вещь, один и тот же предмет может называться словом то одного, то другого рода; например, *живот* - мужского рода, а *брюхо* - среднего, *путь* - мужского, а *дорога* - женского, а некоторые слова можно применять вообще ко всем людям независимо от пола: *сирота, тихоня, зануда, плакса, лаконка*.

Поневолле возникает вопрос: если все так неологично, то какой смысл в этих родах, тем более, что некоторые языки легко обходятся вообще без них? Откуда взялась эта напасть?

Узнать, откуда взялась категория рода, не так-то и просто. Лингвисты дальше самых древних рукописей "копнуть" не могут, а ведь были времена, когда письменности еще не было. Решили, что единственный выход - сравнивать разные языки, тем более, что многие из них приходят друг другу родственниками.

Французский лингвист конца XIX - начала XX в. Антуан Мейе обратил внимание на тот факт, что в древних языках стран Европы, Индии, Ирана (индо-европейских) слова разделяются на две основные группы: для обозначения одушевленных и неодушевленных предметов и явлений. При этом один и тот же предмет может быть назван то словом класса неодушевленного (средний род), то словом класса одушевленного (мужской или женский род) при сохранении некоторой последовательности и закономерности.

Например, в Ригведе вода обозначается двумя разными словами: когда она рассматривается как вещество (*корабль плывет по воде*), используется слово среднего рода *udān*, но как только вода оказывается активно действующим предметом (*поислушные воды остановились*), использует-

ся слово женского рода - *arān*.

В "Илиаде" Гомера описывается Гектор накануне грозной битвы: Гектор сравнивается со звездой, которая действует, появляется и исчезает, и для ее обозначения Гомер использует одушевленное существительное - слово мужского рода *aster*, хотя в языке существовало и слово класса неодушевленного (среднего рода) - *astron*, которое употреблялось, когда речь шла о звездах как небесных телах.

Это слово *aster*, обозначавшее движущуюся звезду, переводится еще и как "метеор, метеорит", а также имеет и определенный мистический смысл - "небесное знамение", тогда как *astron* вполне материально: это и звезда, и вообще небесное светило, и в выражении *идти по звездам* употреблялось именно второе слово.

Получается, что один и тот же предмет можно рассматривать как вещь и как существо, способное действовать, и уже в зависимости от этого его можно обозначить как словом среднего рода, так и словом одного из одушевленных родов, когда эти предметы и явления природы являются выражением действия скрытых сил.

Звезды меняют свое местоположение на небе, ими издавна руководствовались при определении не только маршрутов, но и жизненных путей людей и целых народов. И в соответствии с таким пониманием звезды одушевлялись: почти во всех языках слово *звезда* мужского рода или женского рода, т.е. по древней классификации она одушевленная.

В тех языках, где вода олицетворяется и где поэтому для ее обозначения используется один из одушевленных родов, аналогичные

воззрения и на огонь. При этом древние люди не забыли о противопоставлении воды и огня как женского и мужского, поэтому во многих языках вода женского рода, а *огонь* - мужского. А вот, например, в Древней Греции, где религиозные взгляды на мир были не так сильны, как в Индии или Древнем Риме, названия воды и огня оказываются неодушевленными (среднего рода).

Подобно паре *огонь - вода*, для многих индоевропейских языков характерно противопоставление *день - ночь*. Естественно, во всех этих языках *день* - время света, тепла, господства Ян - мужского рода, а *ночь* - женского.

Одушевлялось все то, что играло большую роль в жизни человека, все, что казалось ему неизвестным. Это могли быть не только грозные явления природы. Скажем, *сон* - это могущественная сила, подчиняющая человека своей власти. Поэтому слово *сон* в большинстве языков - мужского рода, а вот *сновидение* - среднего. Когда в "Илиаде" Зевс вызывает Сон и посылает его к Агамемнону, Гомер использует слово мужского рода *oneiros*, а не *onar* (среднего рода).

В разных языках противопоставлялись обозначения луны и солнца. Мужское начало солнца открыто в его имени (мужско-

го рода) в Древней Руси - *Даждьбог (Солнце царь сын Сварога) ведь ежесть Даждьбог*. Наконец, в большинстве языков слово *земля* - женского рода, тогда как *небо* - обычно мужского: небу приписывалось мужское начало, земле - женское, производящее, рождающее. *Мать сыра земля* довольно часто противопоставляется *небу-батюшке*.

Названия плодовых деревьев как рождающего начала в индоевропейских языках были женского рода, названия же плодов - зачастую среднего. Например, в латинском языке название грушевого дерева женского рода, а плода груши - среднего. Вспомним *яблоню* и ее *яблоко*. Вообще в русском языке, кроме слов *дерево* и *растение*, нет других названий растительности среднего рода, конкретные виды растений всегда одушевляются.

Любопытно, что в ряде языков, которые в глубокой древности были родственными, названиями ребенка служат существительные среднего рода (немецкое *das Kind*, русское - *дитя*), резко расходящиеся между собой по звучанию. Это свидетельствует об их позднем образовании в сравнении с такими словами, как *отец, мать, сын и дочь*.

Причину их относительно позднего оформления видят в том, что форма среднего рода в более древние эпохи не могла обозначать живых существ, поскольку смысл среднего рода состоял в обозначении всего нео-

душевного в противоположность одушевленному. Поэтому слова типа "дитя" могли возникнуть позже, когда это противопоставление несколько ослабло. Ослабло, но не исчезло, поэтому сохраняется противоречивость такого выражения с помощью среднего рода общего термина "ребенок". Эта противоречивость настолько велика, что слово "дитя" употребляется только по отношению к младенцам, да и по своей этимологии (то есть происхождению) буквально означает "вскармливаемый грудью".

В названиях животных прослеживается такая закономерность: для названия сам-

цов и самок важных домашних животных всегда используются разные слова (*корова - бык, коза - козел, овца - баран*); для некоторых домашних и диких животных иногда существуют разные слова (для обозначения самцов домашних птиц сравнительно нечасто используется слово *селезень*; лисицами иногда называют и лисов); а для всех остальных диких животных, птиц, рыб, насекомых есть общее название независимо от их половой принадлежности.

Слово "город" в русском языке сегодня мужского рода в противоположность архаическому представлению о "Городе-женщине", сохранившемуся в романских языках: Киев, как мы помним, называется "матерью городов русских".

Таким образом, форма рода, которая сегодня у подавляющего большинства слов кажется лишней и бессодержательной, не что иное как отзвук мистических воззрений древних. Причем эти воззрения у неродственных народов были разными. Например, в африканских языках и языках американских индейцев для разнесения слов по родам на первый план выходили такие физические характеристики предмета, как плотность, длина, величина и т.п., поэтому к мужскому роду относятся названия больших и толстых предметов, действующих активно, а к женскому - названия предметов маленьких, тонких, подвергающихся чьему-либо воздействию.

Получается, что форма рода отображает особые понятийные отношения, сохранившиеся с архаических времен. Эта категория может многое сказать человеку, который умеет слышать. В отношении неодушевленных предметов сегодня ей базироваться не на чем, кроме традиции, и поэтому рано или поздно, повинувшись законам развития языка, она отомрет. Но для этого потребуется не одно столетие.

Елена Сергеева

